

Часть первая
НЕДОРΟΣЛЬ

Глава 1

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. 25.08.1769

— Ох, и всыплет мне ваш папенька, Ляксе́й Петро́вич, по самое не балуй всыплет горячих, — ворчал, хмуря густые брови, Матвей. — Говорил же он нам: «Дома нынче сидите, нечего вам по лесам шастать, ибо ненастье вон надвигается». Нет ведь, не послушались мы его с вами. А у него ведь всё время к непогоде нога загодя ноет. Ещё с тех самых пор, как её пруссаки под Кольбергом прострелили.

— Да ладно, дядька Матвей, зато гляди, каких мы с тобой тетёрок добыли, — тряхнул головой белобрысый парнишка и кивнул на двух связанных за лапы птиц, перекинутых через плечо воспитателя. — А коли дал бы батюшка свой штуцер, так и вовсе бы кошулю стряпухе принесли, жаль вот, далеко та коза была, с нашей-то фузеи ни в жисть не взять её было. Ничего, не переживай, дядька, чай, поспеем к себе-то до дождя. До усадьбы всего-то ничего осталось, какая-то пара верст, и мы уже у себя под крышей будем.

— Ну не знаю, не зна-аю, — протянул глубокомысленно Матвей. — Вона как тучи-то вокруг стугутились, со всех сторон они нас уже обступают. Можя, лучше было бы нам в лесу от непогоды схорониться? Под густой-то ёлкой ведь, как в шалаше, можно любую непогоду пересидеть, ужель до вечера не развеяло бы всё вокруг?

Действительно, с запада надвигалась тёмная туча, слышались хлёсткие раскаты грома и сверкали яркие молнии.

Пятнадцатилетний сын местного помещика Егорова Лёшка перекинул охотничью кремнёвку дулом вниз и маханул в сторону недалёкой уже усадьбы.

— Давай-ка, дядька, мы тут по полю путь срежем, тогда уже точно время выгадаем! — и, не дожидаясь ответа своего многоопытного товарища, паренёк бросился бегом через овсы.

Матвей же только крикнул неодобрительно и, подминая посев, заспешил вслед за своим подопечным сорванцом.

Они уже были посреди поля, когда вдруг задул сильный, порывистый ветер и первые крупные капли дождя с глухим стуком упали на землю. Пары минут не прошло, как вслед за ними с неба хлынул уже целый поток.

Лёшка вдруг резко сменил направление и принял чуть вправо, где, словно островок среди моря, виднелся небольшой, поросший кустарником холмик с двумя стоявшими на нём большими берёзами. Матвей тоже прибавил было ходу, но угнаться за своим барчуком он всё равно не смог, а тот уже заскочил под самую большую берёзу, и в неё прямо на глазах у ошалевшего воспитателя вдруг ударила ма-

линовой огненной дугой из тучи огромная молния. Раздавшийся затем оглушительный грохот с накатившей следом за ним горячей волной свалил Матвея на землю. Чуть-чуть очухавшись, он поднялся на карачки, вглядываясь перед собой.

Несмотря на проливной дождь, берёза перед ним пылала жарким пламенем, а под ней, свернувшись калачиком, лежал его Лёшка — Ляксей Петрович, сын местного помещика и воспитанник бывшего воинского командира Матвея Лыкова, его вечная головная боль и забота.

Дядька, скользя по раскисшей глине, забрался на холм и упал на колени перед мальчишкой.

— Лексей, Лексей, Лёшенька-а!! — закричал тонким голосом немолодой мужик и, разорвав на мальчишке рубаху, припал ухом к его груди. Сердцебиения у него слышно не было. Схватив дитё на руки, он ринулся сломя голову в сторону усадьбы.

Глава 2

СИРИЙСКАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА, ПРОВИНЦИЯ ИДЛИБ, ЗОНА ДЕЭСКАЛАЦИИ. 25.08.2020

Знойное сирийское солнце стояло в зените и раскалило броню техники так, что даже через тактические перчатки спецназа чувствовался сейчас этот лютый полуденный жар. До контрольной точки встречи с «партнёрами» оставалось ещё около пяти километров пути по безлюдной, пустынной местности. Рядом со старой бензозаправкой российской группе из двух БТР-082А и трёх

«Тигров» предстояло соединиться с тремя турецкими броневиками Kırpi и затем уже продолжать патрулирование по трассе М-4 совместно.

Это был восьмой выход группы Алексея за август. Ему приходилось сопровождать конвои, прикрывать работу пеших групп спецназа и патрулировать свой район. До смены и убийства в Россию оставался всего лишь месяц. Один месяц на этой далёкой от России войне. Ещё тридцать жарких и долгих суток на арабской земле, и уже там, у себя, можно будет потом забыться, скинуть с себя это вечное тягучее напряжение и ожидание удара и затем просто нормально жить. Как же ему хотелось к себе на Родину!

А пока старший лейтенант Егоров, следуя в своей командирской машине, отслеживал на планшете данные по оперативной обстановке, получаемые с их «Орлана», и задавал дальнейшие целеуказания для наблюдения оператору беспилотника. Лучше бы, конечно, чтобы вместо него их прикрывали родные и такие надёжные вертушки, но туркам, типа «контролирующим» эту часть Сирии, уж очень не нравилось присутствие российской авиации в своей зоне ответственности, и приходилось как-то с этим мириться, сохраняя и поддерживая такой хрупкий баланс сил. Поэтому пара Ми-35, проводив группу до начала турецкой зоны и пройдя под конец над самыми машинами, повернула затем к себе на базу. Прикрытие с воздуха можно было теперь ждать не раньше пяти-шести часов вечера и уже только по выходе в свою зону ответственности.

— Усилить наблюдение, группа! Подходим к точке встречи. Наши партнёры уже на месте, —

бросил в эфир командир, увидев три турецкие бронемашины, замершие на обочине трассы.

Двумя часами позже сводная группа входила в Урум-эль-Джауз. Первыми разбитый участок дороги перед самым посёлком прошли турецкие бронемашины. Они обогнули заглохший прямо посреди дороги древний грузовик, загородивший своей тушей большую часть трассы, и стремительно прибавили ходу. Что-то не нравилось во всём этом Алексею, его мозг по привычке, привитой ещё в «Рязанке», работал, словно живой процессор, анализируя всё происходящее вокруг.

Слишком это было удобное место для засады! Рядом находились развалины строений, слева была большая воронка, и этот замерший прямо посередине дороги грузовик, он словно специально направлял всё движение к правой обочине, тем самым сковывая собой всякий манёвр. И что характерно, ни одного мирного жителя в непосредственной близости, а ведь это достаточно густонаселённый район провинции! Да и турки неспроста так рванули вперед, словно соревнуясь в гонках по бездорожью с русскими.

— Боря! Прибавь скорость. Всем — готовность номер один! — отдал по рации распоряжение командир и, откидывая боковую бронезаслонку, высунул наружу ствол своего АК.

Передовой БТР, объезжая застывший грузовик, уже почти что его миновал, когда в его бок в упор, буквально с тридцати метров, от ближайших развалин ударила вдруг реактивная струя гранатомёта.

— Гранатомётчик справа! Всем — огонь! — закричал Егоров, и по лежащим внавалку бетонным блокам, плитам и всевозможным строительным обломкам ударили тяжёлые пули крупнокалиберного «Корда», гранаты автоматического станкового гранатомёта «Пламя» и всей той «стрелковки», которая только была сейчас в их группе.

82-й чадил дымным пламенем, и нужно было срочно спасти тех, кого ещё было можно.

— Центр, я Астра-5, я Астра-5! На меня совершено нападение при входе в Урум-эль-Джауз, одна коробочка горит, прошу помощи!

«Тигр» командира ринулся к подбитой технике, чтобы успеть выручить своих ребят, и, не доезжая буквально пяти метров до горящего БТРа, сам скрылся в гигантском облаке из песка, камней и огня, взметнувшимся над машиной.

26.08.2020. Россия. Вести-24

«25.08.2020 в 16:30 при проведении совместного патрулирования с турецкими военными около населённого пункта Урум-эль-Джауз в зоне деэскалации провинции Идлиб Сирийской Арабской Республики неизвестными боевиками было совершено нападение на объединённую военную колонну. По причине подрыва бронетехники на фугасе у российской стороны есть пострадавшие.

Командование российской группировки войск в Сирии во взаимодействии с турецкими военными, а также с сирийскими органами безопасности устанавливает причастность действующих в зоне деэскалации Идлиб боевиков к нападению на колонну».

Глава 3

КОЗЕЛЬСКИЙ УЕЗД МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ. УСАДЬБА ПОМЕЩИКА ЕГОРОВА

«Где я, что со мной. Что случилось?» — тукала в висках мысль и пока что не находила ответа. В голове сверкали какие-то неясные и путаные образы.

Вот маленький мальчик обнимает папу в красивой военной форме, и тот, улыбаясь, подбрасывает его вверх, отец такой загорелый и счастливый. На его груди виднеются награды — крест ордена Мужества на красной колодке, а рядом на голубоватой ленте медаль с танком и надписью «За отвагу».

— Мой папа — офицер, он пришёл с войны и победил там всех бармалеев, он у меня самый смелый! — говорит мальчик другим, таким же, как и он, сорванцам в своём садике.

Вот мама прижимает его голову к себе, и они вместе с ней плачут, не стесняясь своих слёз, а рядом стоят с виноватыми лицами дяденьки с большими звёздами на погонах и виновато переминаются с ноги на ногу. И на столе лежит коробочка со вторым орденом Мужества. Рядом нет отца и никогда уже больше не будет.

Спортивная секция самбо, соревнования, и на шее у повзрослевшего мальчишки на красивой трёхцветной ленте висит золотая медаль с цифрой I. И какой гордостью светятся глаза у мамы, которая стоит в первом ряду среди зрителей.

Последний звонок, выпускной, и руки его девушки Маши на плечах в кружении танца.

Вступительные экзамены в РВВДКУ — Рязанское высшее военное десантное командное училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова — кузницу офицеров ВДВ и спецназа России. Лысая голова первокурсника, наряды вне очереди, недосыпание, эта вечная усталость и постоянное чувство голода.

— Эй, «минус»! Давай три «взлётку» лучше, сейчас опять всё по новой перемывать будешь!

Как же тяжело здесь быть «перваком» и как же ему это всё суметь перенести!

И вот уже вторая курсантская полоска на рукаве форменной куртки — а жизнь-то налаживается! Полигонные стрельбы, ночные марш-броски, укладка парашютов и первый прыжок. Это будто шаг в другую жизнь, когда, преодолев себя и все свои страхи, ты рождаешься, словно заново, для иной жизни. Какая же тишина там, в небе, под светлым шёлковым куполом! Такой тишины точно нигде нет на земле.

А, нет, и там уже её тоже нет — вон как орёт от восторга Серёга из третьего взвода! Слышал бы это его ротный Иваныч — летал бы потом любитель образных выражений по внеочередным нарядам весь месяц!

Третий курс — мы уже «старшаки»! Типа жизнь знаем, когда службу как следует тянуть нужно, а когда и где сачкануть можно — поняли. Всё бы хорошо, но как же тяжело даются эти основные английский и турецкий языки, а тут ещё арабский с немецким как дополнительные зубрить нужно! Ну вот зачем нам забивать так этим всем голову, нас что здесь, на переводчиков, что ли, готовят? И так ведь времени свободного мало, лучше бы давали

больше тактики, что ли, или на стрелковую подготовку упор делали!

Снова соревнования: самбо, рукопашный бой, бег на длинные дистанции, стрельба из боевого оружия и метание всего того, что можно метать. О-о-о, а со мной уже считается сам начальник курса.

— Егоров, нужен хороший результат по стрельбе на округе!

— Постараемся, товарищ полковник!

Четвёртый, пятый курсы, выпуск, и вот оно, долгожданное распределение по частям. На голубых погонах блестят по две лейтенантские звёздочки, и блестят слезинки в глазах у мамы. Мама, мама, милая мама, не плачь, пожалуйста, всё у меня дальше будет хорошо! Послужим Родине, как и положено на Руси. А то, что Машка не захотела стать женой военного и выбрала для себя богатого коммерса, — так это не беда, мама. Значит, не моя-то была судьба, а чужая. Моя? А моя, выходит, где-то меня ещё ждёт.

Служба в бригаде, Кавказ, и тот, первый бой в горах. Старлейские погоны, Сирия, последний патрульный выход, горящий БТР, удар, огненный всполох, боль, темнота, всё...

И вот всё это каким-то образом перемешивается уже с другими яркими образами, словно бы в каком-то гигантском калейдоскопе.

Большой двухэтажный дом помещицкой усадьбы, с высоким каменным крыльцом на входе. Мама в длинном платье и в кружевном платке на плечах. Слева от неё стоит моя сестра Анна, по правую руку — уже совсем взрослый брат Павел, а сам

я стою чуть впереди всех, смешно пританцовывая на месте от нетерпения. К нам правит коляску наш кучер Савелий, в большой чёрной картузной шапке на широкой бородатой голове. Вот, из неё неловко выбравшись, ковыляет к нам, сильно припадая на левую ногу, высокий и худощавый, уже довольно немолодой мужчина в военном камзоле и при шпаге.

— Ну что же ты стоишь, Лёшенька, иди к батюшке, он ведь к нам вернулся с войны!

Болезнь и смерть мамы, отчаяние, чёрная тоска и горячая детская обида на весь этот жестокий окружающий мир, оставивший совсем маленького мальчика один на один со всеми его страхами, обидами и трудностями, без защиты самого близкого и дорогого человека на свете.

Образ матери потихоньку тускнеет и заслоняется в сознании новыми образами. Вот противный учитель — француз Мишель шипит на непоседливого мальчишку, которому ну никак не даются эти проклятые языки.

Проказы с дворовыми мальчишками из усадьбы и деревеньки, порки лозой и гнев сурового батюшки:

— Лучше до смерти тебя засеку, неслуха, чем ты потом будешь нашу фамилию позорить!

Довольный вид Павла. Он и сам никогда не упускал случая дать подзатыльник своему младшему брату, да и жена его — как раз ему под стать, та ещё мегера — Ольга.

А вот дядька Матвей — мой воспитатель и единственный человек, кому я был по-настоящему небезразличен в этом мире. Он пожилой отставной солдат, без рода и без семьи, возится со мной как со

своим родным сыном, мается мной, сердешный. Где бы я ни был: в драке ли с дворовыми крестьянскими мальчишками, в ночном ли на выпасе коней, на ловле ли рыбы бреднем в местной речке Малиновке — везде он ходит за мной по пятам словно тень. Его весёлые и добрые глаза, спокойный и уверенный голос, крепкие, всегда готовые к помощи руки постоянно присутствуют во всех моих видениях.

— Ляксе́й Петро́вич, вам рану лучше подорожником приложить, вот так вот, как я. Плюнул, чуток размял его пальцами, чтобы из листа немного соку вышло, и прижал потом к болячке посильнее, глядишь, а юшка-то и перестанет тогда течь. Подорожник — это первое дело при таких вот царапинах. А если при больших ранах в бою, то лучше бы, чтобы перетянуть руку или ногу повыше, а не то ведь и помереть недолго, коли юшки слишком много из того телесного пробою выбежит. Помню, вот при Кунерсдорфе, значит, дело было, когда пруссаки уже думали, что нас разбили совсем, а фельдмаршал-то Пётр Семёнович Салтыков как scomандовал нам тогда эдак грозно: «Всем русским — в штыки! Вперёд, братцы, за матушку императрицу Елизавету Петровну!» Ну мы и дали тогда там этой немчуре! Однако сколько побитых-то тогда было, а ранетых-то сколько, э-э-эх! Мне вот самому там штыком Фридриховый гренадёр это плечо пробил, я уж думал, всё, отвоевался теперяча совсем. Однако же выкарабкался как-то вот. Но юшки, конечно, много тогда потерял, занедужил потом и ослаб сильно. Это уже после того меня в команду особых стрелков определили, как раз под начало вашего батюшки. Я ведь сам сын лесника